

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Сказка про Щелкуна и мышинного короля

Эрнст Гофман

**Сказка про Щелкуна
и мышиноного короля**

«Public Domain»

1816

Гофман Э. Т.

Сказка про Щелкуна и мышиноного короля / Э. Т. Гофман —
«Public Domain», 1816

Слушайте, дети: сейчас начнется сказка про Щелкуна и Мышиного Даря. Сказку эту написал по-немецки знаменитый немецкий писатель Гофман, а я вам ее перескажу по-русски. К сказке этой есть даже особая музыка; сочинил ее для Фортепиано немецкий композитор Рейнеке. Если папа с мамой захотят, они купят вам всю эту музыку в две или в четыре руки, целую большую тетрадь. Теперь садитесь и сидите смирно. Начинается сказка...

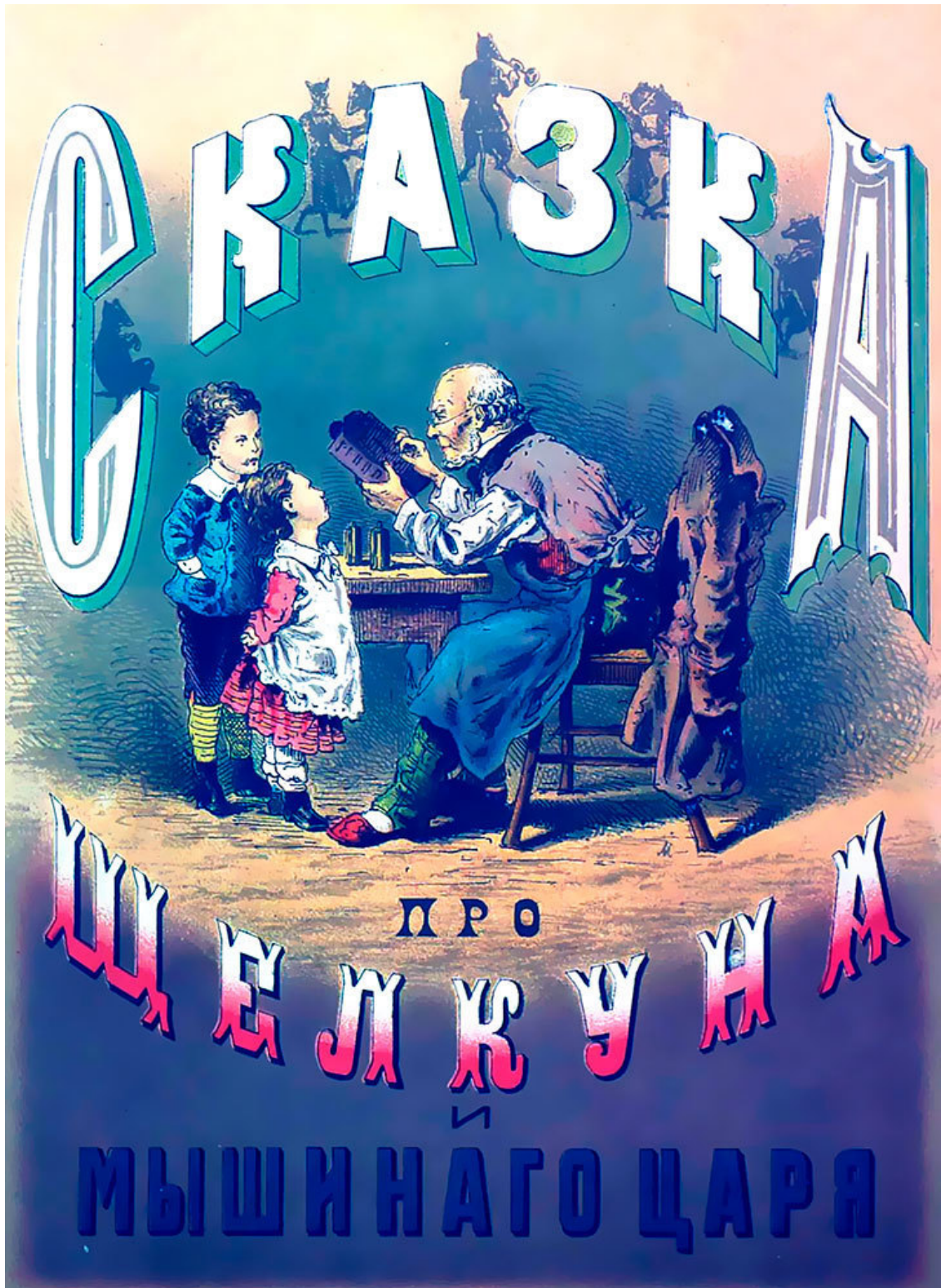
Содержание

I. Вечер под рождество	8
II. Елка	10
III. Щелкун	13
IV. Необыкновенное прошествие	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эрнст Гофман

Сказка про Щелкуна и мышинного короля

Адаптация текста: Сергей MСat78 Николаев

Слушайте, дети: сейчас начнется сказка про Щелкуна и Мышиного Даря. Сказку эту написал по-немецки знаменитый немецкий писатель Гофман, а я вам ее перескажу по-русски. К сказке этой есть даже особая музыка; сочинил ее для Фортепиано немецкий композитор Рейнеке. Если папа с мамой захотят, они купят вам всю эту музыку в две или в четыре руки, целую большую тетрадь. Теперь садитесь и сидите смирно. Начинается сказка.

I. Вечер под рождество

Было было пред Рождеством, накануне самого праздника. У нас елку делают в самое Рождество, на первый, на второй или на третий день. В Германии елка непременно бывает накануне Рождества, то есть 24 декабря. Вот в этот-то день вечером и сидели прижавшись в уголке столовой двое детей доктора Штальбаума, брат и сестра. Сестру звали Машей, брата – Фрицем. Фриц – это уменьшительное слово от имени Фридрих, а Фридрих по-немецки то же что по-русски Федор. Следовательно Фриц по-русски будет Федя. Так как дело происходило не у нас в России, а в Германии, то я так и буду называть этого маленького мальчика Фрицем. Ну, так вот 24 декабря Машу и Фрица целый день не впускали в гостиную. Это уж раз навсегда так было заведено в доме у доктора Штальбаума.

В столовой, где сидели Маша и Фриц, мало-помалу сделалось совсем темно. Все было тихо. Слышалось только, как рядом, в гостиной, все что-то устанавливали, приносили, развешивали какие-то бумаги, ходили взад и вперед.

Фриц шепотом рассказывал своей сестре, как в сумерки какой-то человек, весь закутанный в шубу, потихоньку пробрался в комнаты чрез заднее крыльцо. Человек этот нес в руках большой ящик. Как ни старался он спрятать свое лицо, но Фриц сейчас узнал, что это был дядя Дроссельмейер. Маша чрезвычайно обрадовалась этому известью. Дядя Дроссельмейер был худощавый человек, очень маленького роста; лицо его было все в морщинах, а на голове он носил парик. Дядя Дроссельмейер любил заниматься механикой и даже умел делать часы. Когда в доме у Штальбаумов случалась какая-нибудь беда с часами, когда часы вдруг переставали ходить, или не хотели бить как следует, об этом посылали сказать дяде Дроссельмейеру. Он сейчас же являлся, снимал сюртук, снимал парик, надевал голубой Фартук и какими-то острыми инструментами принимался колотить внутри часов. Маше всегда становилось жалко бедные часы, но часам от этого никакого вреда не было. Напротив, они сейчас же принимались весело стучать, маятник опять начинал ходить взад и вперед, часы громко били по-прежнему, и все в доме были довольны и рады. Дядя Дроссельмейер всегда что-нибудь приносил детям. То принесет им человечка, который открывает и закрывает глаза, то ящичек, из которого выскакивает птичка, то еще что-нибудь в этом роде. А к Рождеству он каждый год непременно готовил какую-нибудь большую механическую игрушку; игрушка эта сейчас-же после елки убиралась от детей и становилась в особый шкаф. Услыхав от Фрица, что дядя Дроссельмейер принес какой-то ящик, Маша начала угадывать, что бы такое придумал сделать дядя на этот раз. Фриц решил, что в ящике непременно помещается крепость. В ней ходят взад и вперед солдаты; другие солдаты хотят крепость взять, а из крепости в них стреляют из пушек. Маша думала совсем другое. Дядя Дроссельмейер рассказывал ей раз про прекрасный сад, где на большом озере плавают лебеди и поют удивительными голосами. К озеру приходит маленькая девочка и кормит лебедей пирожным.

Ну вот видишь, сказал Фриц, – вот сейчас и видно, что ты говоришь пустяки. Разве лебеди станут есть пирожное? Разве дядя может сделать целый сад? Да впрочем я его игрушки и не очень люблю. То ли дело те вещи, которые дарят нам папа с мамой! Вещи эти остаются у нас, и мы с ними делаем что хотим, а игрушки дяди Дроссельмейера сейчас же от нас убирают.

Погадав про то что бы такое могло быть в ящике у дяди Дроссельмейера, дети принялись угадывать что им подарят на елку родители. Маша со вздохом сообщила Фрицу, что её большая кукла Женни в последнее время все падает носом на пол, и скоро, пожалуй, исколотит себе все лицо. Происходит это от того, что Женни стала очень слаба на ногах; тут уже ничем нельзя помочь, и Маша даже перестала делать ей выговоры. Мама про это знает. А то вот раз Маше очень понравился чудесный маленький зонтик, который она увидела у одной подруги; Маша сказала маме: ах, мама, вот бы мне такой зонтик; а мама ничего не ответила, только посмотрела

на Машу и при этом улыбнулась. В свою очередь Фриц уверял сестру, что его деревянный конь никуда уже не годится, а между оловянными солдатиками совсем почти нет конницы. Отцу это очень хорошо известно.

В комнате становилось между тем все темнее. Свеч не приносили. Дети наконец совсем затихли. Им казалось, что где-то далеко, далеко слышится какая-то тихая музыка. Быть-может это звенели где-нибудь колокола или играли часы на башне. Вдруг в гостиной послышался звон маленького колокольчика. Двери в столовую распахнулись. Дети вскочили и хотели бежать в гостиную, но так и замерли в дверях. Так хорошо и ярко сияла им навстречу елка, милая Рождественская елка.

II. Елка

Отец и мать взяли детей за руки и повели их в гостиную. Маша только и могла выговорить: Ах как хорошо! Ах как хорошо! А Фриц даже и этого не сказал, он от радости только

несколько раз подпрыгнул. Да и как было не радоваться? Большая, высокая, стройная, зеленая елка вся была украшена яблоками, золотыми и серебряными орехами, конфетами и разными лакомствами. На ветвях елки сверкали, точно звездочки, сотни свеч и Фонариков. При свете их казалось, что нет и конца зеленой глубине между густыми ветвями елки, а вокруг дерева лежали все подарки. Должно-быть дети особенно хорошо учились и вели себя в этот год. Маша увидела несколько кукол и множество разной посуды. Тут были чашки, тарелочки, подносики, горшочки, маленькие кастрюли, – много тут было разных вещей. Фриц между тем успел уже несколько раз объехать вокруг стола на новом коне, которого он нашел совсем взнузданным и оседланным. Кроме коня отец подарил Фрицу еще целый полк прекрасных гусар; все они сидели на белых конях и были одеты в чудесные красные мундиры с золотом. Дети хотели уже приниматься за разглядывание прекрасных книг с картинками, как из-за ширм, расставленных в углу гостиной, опять послышался звон колокольчика. Ах, это дядя Дроссельмейер! закричали Маша и Фриц и бросились к ширмам. Дядя Дроссельмейер отодвинул эти ширмы, и дети внезапно увидели прекрасный замок, стоявший на столе. В замке этом было множество зеркальных окон и башен с вызолоченными крышами, а вокруг него находился большой зеленый луг, весь усаженный цветами. Дядя Дроссельмейер подавил какую-то пружинку. Заиграла музыка, двери и окна замка растворились, и можно было видеть, как внутри его расхаживали нарядные кавалеры и дамы в платьях с длинными шлейфами. В большой зале замка, ярко освещенной множеством маленьких люстр, танцевали дети. Какой-то господин в зеленом плаще часто выглядывал из окна, кивал головою и исчезал опять, а в дверях замка показывался время от времени маленький человек, как две капли воды похожий на самого дядю Дроссельмейера. Фриц долго смотрел на все это и наконец сказал: дядя Дроссельмейер, пусти-ка меня в твой замок! Дядя Дроссельмейер объявил Фрицу, что этого нельзя сделать; да Фрицу и не следовало говорить таких пустяков, потому что замок со всеми своими башнями был ниже, нежели сам Фриц. Прошло еще несколько минут. Кавалеры и дамы все продолжали расхаживать взад и вперед; дети все танцевали; человек в зеленом плаще все выглядывал в то же самое окно; дядя Дроссельмейер все показывался в дверях и уходил опять. Фриц потерял наконец терпение и сказал:

– Дядя Дроссельмейер! выдь-ка теперь из другой двери!

– Нельзя этого, сказал дядя.

– Ну так вели этому господину в зеленом плаще немножко погулять с другими, а не выглядывать все только из окна.

– И этого нельзя.

– Так пусть дети выдут из замка на луг, я на них хорошенько посмотрю.

– Ничего этого нельзя сделать, сказал дядя и немножко рассердился. – Как уж раз устроена механика, так все и должно оставаться.

– Послушай, дядя Дроссельмейер, что я тебе скажу. Мои гусары гораздо лучше, чем эти твои маленькие человечки. Гусары мои делают все, что я захочу: скачут вперед, скачут назад, могут хоть по всему дому ездить, а твои человечки разрядились и все только ходят по одной комнате да танцуют. Видно они ничего больше и делать-то не умеют, а тогда что в них толку? Нет, мои гусары лучше!

Фриц побежал опять к елке и начал командовать своему гусарскому полку: – Марш! Заезжай направо! Стреляй! Весело было смотреть, как лихо скакали у него красные гусары на своих белых конях. Маша также отошла потихоньку от стола. Ей также скоро наскучило, что куклы в замке все только расхаживали да танцевали. Но Маша была очень добрая и умная девочка и не стала так разговаривать, как Фриц. Дядя Дроссельмейер заметил, что его подарок не особенно понравился детям. Это его несколько огорчило, и он сказал, что уложит свой замок и унесет его домой, что дети слишком еще глупы, чтоб оценить такую хитрую механику. Но тут к нему подошли родители и попросили показать им мудреное внутреннее устройство, которым

приводились в движение куколки. Дядя Дроссельмейер разобрал весь замок, потом собрал его опять и снова стал веселым. Он подарил детям еще несколько коричневых кавалеров и дам с белыми лицами и руками. От них чрезвычайно приятно пахло шоколадом, и дети им очень обрадовались.

III. Щелкун

А Маша между тем нашла под елкой еще новую игрушку. Когда гусарский полк Фрица отъехал со своего места, то оказалось, что сзади этого полка стоял, прислонившись к самому дереву, скромный и тихий маленький человечек. Стоял и спокойно дожидался, чтобы очередь дошла до него.

Нельзя было сказать, чтоб этот человечек был особенно красив. Нет. Его туловище и в особенности голова были слишком велики сравнительно с худенькими, тонкими ножками. Но зато он был прекрасно одет, и можно было сейчас же видеть, что это благовоспитанный и образованный человек. На нем была надета прекрасная гусарская синяя куртка со множеством белых шнурков и пуговиц; на ногах были отличные синие панталоны, а высокие блестящие сапоги сидели так ловко, что в пору хоть настоящему офицеру. Одна только вещь немножко портила все дело. На спине у этого человечка был приделан узенький, нескладный плащ, совсем точно какая-то деревяшка. Маше сначала плащ этот очень не понравился, потом она вспомнила, что дядя Дроссельмейер также носит очень плохую шинельку, а что он все-таки милый дядя. С дядей Дроссельмейером у человечка оказалось, впрочем, еще и другое сходство. На голове у него была некрасивая большая шапка, а дядя Дроссельмейер также носил престранный большой картуз. Но во всяком случае человечек был гораздо красивее дяди, и чем более приглядывалась к нему Маша, тем более нравилось ей его доброе и ласковое лицо.

– Милый папа, сказала Маша, – а вот этот чудесный маленький человечек около елки, кому он?

– Он будет вам всем грызть орехи, сказал доктор Штальбаум, – тебе Маша, Фрицу и сестре Луизе. Он будет ваш общий.

Тут доктор Штальбаум осторожно снял человечка со стола и приподнял кверху его плащ. В ту же минуту человечек широко, широко раскрыл рот и показал два ряда чудесных, острых и белых маленьких зубков.

– Положи ему в рот орех, сказал доктор Штальбаум.

Маша положила орех; человечек в одну минуту его разгрыз; скорлупа посыпалась на пол, а ядро покатило Маше прямо в руку. Тут Маше и всем сейчас же сделалось ясно, что маленький человечек происходит из знаменитой игрушечной семьи Щелкунов и что он продолжает заниматься ремеслом своих дедов и прадедов. Маша даже вскрикнула от радости. Когда доктор Штальбаум увидел, что Маша так радуется Щелкуну, он отдал ей его на особенное попечение. Ты будешь его беречь и за ним ухаживать, сказал он Маше, а пользоваться им будете вы все. Маша сейчас же взяла Щелкуна на руки и стала давать ему грызть орехи. Она нарочно выбирала все самые маленькие, чтобы Щелкуну не приходилось так широко раскрывать рот, что к нему вовсе не шло. К ней подсела старшая сестра Луиза, и Щелкун по-видимому с большим удовольствием грыз им обеим орехи, у него с лица не сходила приятная улыбка. Между тем Фриц уже устал командовать своими гусарами. Он услышал, что щелкают орехи, подбежал к сестрам и расхохотался на Щелкуна. Каждому хотелось поесть орехов; Щелкун пошел ходить по рукам. Работы ему досталось не на шутку, только и слышалось что „щелк« да „щелк«, а Фриц нарочно вкладывал в рот человечку самые большие и крепкие орехи. Вдруг послышалось трах! трах! – и у Щелкуна вывалились три зуба, а нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

– Ах, бедный мой Щелкун! – закричала Маша и поскорее взяла его из рук Фрица.

– Он дурак! – сказал Фриц. – Хочет быть Щелкуном, а у самого порядочных зубов нет, да должно-быть он и дела-то своего не знает как следует. Дай-ка его сюда, Маша. Пусть он мне грызет орехи, а если у него вывалятся остальные зубы, да хоть бы даже и вся челюсть, не беда, туда ему и дорога!

– Ах нет, сказала Маша и заплакала, – Я тебе не дам моего милого Щелкунчика. Посмотри, как он жалобно смотрит на меня. Ты, Фриц, жестокий человек. Ты бьешь своих лошадей и застреливаешь иногда своих солдат.

– Это все так и должно быть, ты этого не понимаешь, сказал Фриц. – Щелкун наш общий, давай его сюда.

Маша горько заплакала и поскорее завернула Щелкуна в свой носовой платок. К ней подошли родители и дядя Дроссельмейер. К великому огорчению Маши, дядя принял сторону Фрица. Но доктор Штальбаум сказал, что он отдал Щелкуна под особое покровительство Маши, что теперь за Щелкуном нужен особый уход, и что Маша следовательно может им распоряжаться как она хочет.

– Удивительно, говорил отец, – каким образом Фриц требует, чтобы Щелкун продолжал служить, когда тот захворал на службе. Как же это Фриц командует полком и не знает, что раненых никогда не ставят в строй?

Фрицу сделалось очень совестно. Не говоря ни слова, он отошел к другому концу стола, где его гусары уже расположились спать, выставив по всем правилам караулы. Маша собрала зубки, вывалившиеся у Щелкуна, и подвязала ему подбородок хорошенькою белою ленточкой, которую она отколола от своего платья. Бедный Щелкун казался очень испуганным и весь побледнел. Маша еще крепче завернула его в свой платок, взяла на колени и начала качать точно маленькое дитя, а сама в это время рассматривала книжку с картинками. Ей сделалось очень досадно, когда дядя Дроссельмейер начал над ней смеяться и все приставал к ней с вопросом: почему ей так нравится безобразный маленький Щелкун? Ей опять припомнилось странное сходство между Щелкуном и дядею, и она очень серьезно сказала:

– Милый дядя, если бы ты нарядился так же хорошо, как мой маленький Щелкун, и если б у тебя были такие же прекрасные сапоги, ты все-таки, пожалуй, не был бы так хорош, как он.

Маша никак не могла понять, почему рассмеялись её родители при этих словах, а дядя Дроссельмейер покраснел и совсем перестал смеяться. Должно-быть на это были какие-нибудь особые причины.

IV. Необыкновенное прошествие

В доме доктора Штальбаума, в той комнате где обыкновенно вся семья собиралась по вечерам, стоял у стены, налево от дверей, высокий шкаф со стеклянными стенками и дверцами. Здесь дети берегли все подарки, полученные ими на елку.

Сестра Луиза была еще совсем маленькая, когда отец заказал этот шкаф очень искусному столяру. Столяр вставил в стенки и дверцы шкафа такие чудесные светлые стекла и так хорошо все сделал, что каждая вещь, поставленная сюда на полку, казалась почти красивее, чем когда ее держали в руках. Верхняя полка помещалась очень высоко; ни Маша, ни Фриц не могли до неё достать; на ней стояли большие механические игрушки дяди Дроссельмейера. На следующей полке лежали книжки с картинками. На двух нижних полках Маша и Фриц могли ставить все что хотели. Обыкновенно случалось так, что в самом низу жили Машины куклы, над ними располагались на зимних квартирах солдатики Фрица. Так случилось и теперь. Фриц расставил на второй полке своих гусаров, а Маша поместила свою разряженную новую куклу в самом низу, в кукольной гостиной. Гостиная эта была отлично убрана. Тут был прекрасный кукольный диван, обитый материей с большими пестрыми цветами, прекрасный маленький столик, множество прекрасных маленьких стульев, прекрасная кукольная кровать. Гостиная для кукол занимала целый нижний угол шкафа, и даже стены её были оклеены маленькими разрисованными картинками. Вы можете представить себе, как хорошо было здесь жить новой кукле, которая называлась мамзель Лина.

Приближалась полночь. Дядя Дроссельмейер давно ушел. Детям уже несколько раз напоминали про то что пора ложиться спать, но они никак еще не могли отойти от своего шкафа. Наконец Фриц ушел первый. Он решил, что его гусарам нужно отдохнуть, а пока Фриц был подле них, ни один не решился бы хотя на минутку закрыть глаза. Маша стала упрашивать:

– Мама, милая мама! позволь мне еще несколько минуток побыть здесь! Мне еще столько нужно тут убрать! Я сейчас, сейчас приду.

Маша была тихая, умная девочка, и поэтому ей позволили еще несколько минут остаться одной со своими игрушками. Для того чтобы она как-нибудь не позабыла погасить в комнате свечи, мать сама погасила их все. Одна только лампа, висевшая по середине потолка, распространяла по комнате мягкий и ровный полусвет.

– Приходи скорее, Маша, а не то завтра утром трудно будет вставать, сказала госпожа Штальбаум и пошла в свою спальню.

Едва осталась Маша одна, как она поспешила развернуть платок, в который все еще был завернут Щелкун, и осмотреть еще раз раненого. Ей не хотелось делать этого при Фрице. Щелкун был очень бледен, но улыбался доброю и грустною улыбкой, так что Маше опять сделалось его чрезвычайно жалко.

– Ах, Щелкунчик, сказала она потихоньку, – не сердись на Фрица за то что он тебе сделал такую боль. Он хороший мальчик, уверяю тебя, только стал немного безжалостен, потому что все ведет войну и все дает сражения. Я буду за тобой ухаживать, пока ты не выздоровеешь совсем. Дядя Дроссельмейер вставит тебе зубки и вправит тебе плечо, он это умеет делать....

Маша не могла кончить, потому что при имени Дроссельмейер маленький Щелкун вдруг перекосил все лицо, а из глаз у него точно что-то сверкнуло. Маша не успела еще однако порядком испугаться, как Щелкун уже опять смотрел на нее со своею ласковою и доброю улыбкой. Она сейчас же поняла, что лицо Щелкуна перекривилось оттого, что по нем пробежала тень от заколебавшегося пламени лампы.

Какая я дурочка! сказала Маша сама себе. Разве деревянные куклы могут шевелить лицом? Щелкун такой смешной и такой добрый. Я буду за ним ходить совершенно как следует ухаживать за больным!

И Маша взяла Щелкуна на руки, подошла к шкафу, присела пред ним на пол и заговорила с новою куклой:

Мамзель Лина! Будь пожалуйста так добра, уступи твою постель бедному раненому Щелкуну. Сама ты можешь лечь пока на диван. Не у всех кукол такие диваны есть. А сама ты – посмотри какая здоровая, какие у тебя красные щеки.

Но мамзель Лина сидела себе в своем нарядном платье, гордая-прегордая, и притворялась, будто ничего не слышит. Маша решила, что с нею нечего долго церемониться, вынула кровать из шкафа, потихоньку уложила в нее Щелкуна, обвязала ему плечи прекрасною ленточкой, которую носила прежде сама вместо пояса, и закрыла его одеялом вплоть до самого носа.

– Не зачем тебе оставаться с этою невежей Линой, сказала Маша и поставила кровать со Щелкуном на вторую полку, рядом с большою деревней, где стояли на квартирах Фрицевы гусары. Она заперла шкаф и хотела идти в спальню, как вдруг – слушайте, дети! – за печью, за стульями, за шкафами, везде вокруг послышался тихий шорох, точно какое-то шептание. Стенные часы застучали громче, но бить не могли. Маша взглянула на них и увидела, как большая вызолоченная сова, сидевшая наверху, опустила свои крылья, совсем закрыла ими часы и далеко протянула вперед свою безобразную голову с кривым клювом. Вот часы зашипели, и Маша явственно могла слышать, как они начали выговаривать слова – Тише, тише, вы, часы – не стучи, да не шуми – вы мышинному царю – спойте песенку свою – пусть он выйдет, пусть придет – головы не унесет – тик и тук, и тик и тук – не пугайте его вдруг. – Часы глухо начали бить двенадцать. Маша в страхе хотела убежать, как вдруг увидела дядю Дроссельмейера. Он сидел на часах вместо совы, и полы его желтого сюртука свешивались по обеим сторонам точно крылья.

– Дядя Дроссельмейер, дядя Дроссельмейер! со слезами закричала Маша, – что ты там делаешь? Сойди ко мне и не пугай меня, злой ты дядя Дроссельмейер.

Но в эту минуту везде вокруг Маши послышался беспорядочный свист и писк. За стенами затопали тысячи маленьких ножек, из щелей пола показались тысячи маленьких огоньков. Только это были не настоящие огоньки, нет, это все были блестящие маленькие глаза. Маша увидела, что отовсюду выглядывают и отовсюду вылезают мыши. Скоро по всей комнате послышалось – топ, топ, топ, – густые толпы мышей скакали с разных сторон и наконец выстроились рядами, совершенно так как расставлял Фриц своих солдат, когда должно было начинаться сражение. Это показалось Маше очень смешно. Она не боялась мышей, как боятся их иные дети, и совсем было уже позабыла свой страх, как вдруг послышался такой сильный и пронзительный свист, что у неё точно мороз пробежал по коже.

Я уверен, мой милый читатель Федя, что ты такой же храбрый полководец, каков был Фриц Штальбаум, но если бы ты увидел что пришлось теперь видеть Маше, ты пожалуй убежал бы и наверное с головою закутался бы в одеяло. Бедная Маша не могла этого сделать. Прямо пред ней ногами из пола начало выбрасывать песок, известку, камни, и из-под земли появились с ужасным шипением и свистом семь мышинных голов с семью сверкающими коронками. Скоро показалось и туловище, к шее которого приросли эти семь голов. Все мышиное войско три раза пискнуло всем хором при появлении большой мыши с семью коронками и затем направилось прямо к шкафу, прямо на Машу. Только и слышно было: топ-топ, топ-топ. Маша стояла у самых дверей шкафа. От страха и ужаса сердце её стучало прежде так сильно, как будто хотело выпрыгнуть; теперь ей казалось, что вся кровь в ней остановилась. Почти в беспомощности Маша подалась немного назад – и стекла дверей со звоном посыпались на пол: Маша разбила их локтем. На одну минуту она почувствовала острую боль в левой руке, но потом ей внезапно стало гораздо легче на сердце. Она не слышала более ни писка, ни свиста; все вдруг затихло. Маша не решалась поглядеть, но ей казалось, что мыши испугались звона стекол и ушли обратно в свои норы. Что же это однако послышалось в шкафу, прямо за спиной у Маши?

Там начался какой-то странный шум. Раздавались тоненькие голоса – Просыпайтесь – поднимайтесь – в строй смыкайтесь – будет бой – дружно в строй – готовьтесь в бой. – Зазвенели колокольчики. Ах, это моя стеклянная гармоника! воскликнула Маша и быстро отскочила в сторону. Что увидела она в шкафу! Он был весь освещен внутри каким-то странным светом, и все в нем двигалось и шевелилось. Несколько кукол бегали взад и вперед, размахивая своими маленькими руками. Вдруг Щелкун поднялся с кровати, далеко отбросил с себя одеяло и обеими ногами зараз прыгнул на пол, громко крича – Щелк, щелк, щелк, – мышиный полк – какой в нем толк – щелк, щелк, щелк. – При этих словах он выхватил свою маленькую саблю, взмахнул ею по воздуху и воскликнул:

– Любезные вассалы, друзья и братья! Хотите ли вы помогать мне в грозной битве?

Три паяца, один пастух, четыре трубочиста, два шарманщика и один барабанщик тотчас же закричали:–Мы за тобой – веди нас в бой – мы за тебя – против врага. – Все они спрыгнули вслед за Щелкуном со второй полки. Прыжок был очень опасный, особенно для Щелкуна. Другие шлепнулись на пол как мешки, потому что они были одеты в сукно и шелк, да и внутри-то состояли из ваты и отрубей. Но Щелкун наверное сломал бы руки и ноги, прыгать пришлось с большой высоты, а тело у него было как будто точеное из липового дерева. Да! Он наверное отколол бы себе руки и ноги, если бы мамзель Лина не вскочила со своего дивана и не подхватила бы героя своими мягкими руками.

– Ах милая, добрая Лина, со слезами сказала Маша, – как я была к тебе несправедлива! Ты верно с охотой сама уступила бы Щелкуну твою кровать!

Мамзель Лина начала уговаривать Щелкуна:

– О герой! говорила она, – подумайте и рассудите. Вы больны, вы ранены. Не ходите сами в сражение. Смотрите, с какою уверенностью в победе собираются ваши храбрые вассалы. Пастух, трубочист, шарманщик, паяцы и барабанщик уже внизу, а на моей полке заметно начинают шевелиться сахарные Фигуры с билетиками. Отдохните здесь на диване, или взберитесь на мой картон со шляпами и наблюдайте оттуда за сражением.

Так говорила мамзель Лина и держала Щелкуна на руках. Но Щелкун так нетерпеливо начал перебирать ногами, что Лина принуждена была поспешно поставить его на пол. В ту же минуту он опустил перед нею на одно колено и прошептал: „О благородная дама! я никогда не позабуду вашего внимания и вашей услуги!“ –Мамзель Лина нагнулась, опять взяла Щелкуна, сняла свой пояс, украшенный разными блестками, и хотела надеть его Щелкуну через плечо. Все рыцари, отправляясь в сражение, получали прежде такую перевязь от какой-нибудь дамы. Но Щелкун отступил на два шага, приложил руку к сердцу и торжественно сказал: „Нет, благородная дама, у меня уже есть перевязь!“ И с этими словами он схватил ленточку, которою обвязала его Маша, повесил ее себе через плечо, смело взмахнул саблей и соскочил на пол. Вы замечаете, что Щелкун уже следовательно и прежде чувствовал все добро, оказанное ему Машей. Поэтому он и надел теперь её простую ленточку вместо богатого пояса мамзель Лины. Едва успел Щелкун спрыгнуть на пол, как опять начался писк и свист. Под круглым столом собралось бесчисленные полчища мышей, а над ними поднималась огромная, гадкая мышь с семью головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.